

УДК 81

И.Г. Рябцева

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

irina-17@yandex.ru

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО АКТА ОПРОВЕРЖЕНИЯ В ОППОЗИЦИОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

**[*Ryabtseva I.G. Genre specifics of the speech act of refutation
in opposition political discourse*]**

The pragmatic intention of a specific type of discourse determines the use of typical speech acts. A refutation speech act serves as one of the most prevalent speech act in the texts of the opposition political discourse, thus shaping its oppositional nature. In this respect it should be given a detailed and comprehensive study. In this article the given type of discourse is represented by analytical (problem) articles taken from the magazines “Executive Intelligence Review” and “Economist”. The aim of the article is to show genre peculiarities and communicative-pragmatic parameters of the refutation speech act: the communicative aim, the addresser image, the addressee image, the content, the image of communicative past and future, language means of its representation. These parameters allow to give a comprehensive picture of this speech act in the unity of its lexico-grammatical structure and pragmatic intention, constituting the basis of the refutation speech act.

Key words: refutation, oppositional discourse, speech genre pattern, refutation strategy.

Прагматическая установка определенного типа дискурса обуславливает доминирующее использование тех или иных речевых актов. Выбор речевого акта опровержения для всестороннего и комплексного исследования объясняется тем, что в таком типе текста как «аналитическая (проблемная) статья» данный речевой акт функционирует как один из самых распространенных речевых актов. Это можно объяснить следующим. С одной стороны, отнесенность текстов политической аналитики оппозиционного дискурса к вторичному оценочно-критическому жанру определяет его специфические цели - проанализировать, разъяснить, дать оценку, опровергнуть, попытаться убедить адресата в правильности выносимой оценки. С другой стороны, его конфронтационный характер, склонность к критике, отрицанию, опровержению объясняет широкое обращение к языковому потенциалу речевого акта опровержения, который предстает как средство реализации в речи «модели» речевого жанра опровержения.

В задачу нашей статье входит рассмотрение жанровой специфики речевого акта опровержения в текстах оппозиционного дискурса, представленного изданиями *Executive Intelligence Review (EIR)* и *Economist (EC)*.

Жанровая характеристика исследуемого типа текста (информационно-аналитическая/проблемная статья) предопределяет выбор языковых средств и их коммуникативно-прагматические параметры. Считаем необходимым сделать несколько замечаний относительно лингвистической интерпретации понятия речевой жанр. В своем учении о речевых жанрах М.М. Бахтин поставил общелингвистическую проблему описания природы и специфики речевых жанров как «относительно устойчивых типов высказывания» [1, с. 237]. Как известно, ученый выделял три основных параметра жанра: тематическое, композиционное построение и стиль. Ученый пишет, что «определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая, бытовая) и определенные, специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают определенные жанры, т.е. определенные, относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [2, с. 242].

Таким образом, речевой жанр, понимаемый как тип высказывания, предстает как «модель» коммуникации, которая задает определенные коммуникативно-прагматические параметры коммуникации. При этом конкретный речевой акт, как самостоятельный отрезок процесса общения предстает как реализация в речи «модели» речевого жанра.

Подвергаемый анализу тип текстов - это ответная реплика автора текста в диалоге со своими политическими оппонентами. Оценивая их высказывания, адресант дает свою интерпретацию, ставит новые вопросы и ждет отклика на них со стороны читательской аудитории. Именно ответственностью и обусловлена трехчленная субъектная организация текста аналитической статьи «оппонент←автор текста →читатель».

Речевой акт опровержения, выражающийся в высвобождении отрицательных эмоций, является одним из средств достижения главной коммуникативной интенции оппозиционного дискурса, а именно: внедрение в сознание реципиентов ощущения несправедливости, опасности, напряженности и угрозы, осознание необходимости изменения социальной действительности.

Поставленная цель определяет общую стратегию оппозиционного дискурса – стратегию на *дискредитацию, понижение статуса оппонента*. Для дан-

ной стратегии используются различные коммуникативные тактики. В векторе «оппонент - автор текста» главной из них является тактика опровержения / разоблачения. Вспомогательными тактиками будут тактики отрицательного прогноза, упрека, оскорбления, иронизирования, тактика демонстрации негативных личных качеств политического оппонента, разоблачения эвфемизмов.

С другой стороны, реализуя главную стратегию, адресант стремится привлечь адресата на свою сторону, ориентируя его на изменение политических взглядов, и формируя нужное адресанту видение мира. При этом в векторе «автор текста → читатель» будут использоваться тактики аргументации, анализа ситуации, разъяснения, уточнения, прогнозирования наиболее вероятных путей развития ситуации и т.д. Таким образом, в речевом акте опровержения четко прослеживается семантика диалогических отношений, что и определяет его двунаправленный характер.

Речевой акт опровержения, представляет собой многоаспектное явление, получающее воплощение на синтаксическом, семантическом и прагматическом уровнях высказывания. На синтаксическом уровне свобода выбора ограничивается жесткими правилами сочетаемости языковых единиц. Семантический уровень допускает определенную вариативность, т.к. в высказываниях всегда присутствует элемент субъективности. На прагматическом уровне выбор языковых знаков обуславливается такими прагматическими факторами, как – кто, кому, зачем, о чем и как говорит, учитывая, что было и что будет потом в общении [3, с. 88-98]. Ответы на эти вопросы составляют анкету речевого жанра, предложенную Т.В. Шмелевой, которая характеризует жанры по следующим семи критериям: коммуникативная цель, образ адресанта, образ адресата, образ коммуникативного прошлого и будущего, тип событийного содержания и языковое воплощение.

Данная анкета в принципе представляет собой модель акта коммуникации, встроенного в определенный дискурс.

Рассмотрим исследуемый нами речевой акт опровержения в аспекте данной анкеты, которая будет иметь свою специфику, так как прилагается к модели монологического общения, где отсутствуют инициальная и реактивная реплики диалога. При этом мы стоим на позициях лингвистов (М.Н. Кожина, Л.П. Семенович, Л.Р. Дускаева), которые усматривают диалогичность монологического текста в его адресованности и ответственности.

Перед нами стоит задача выделить параметры речевого акта опровержения, позволяющие рассматривать его как средство реализации модели речевого жанра опровержения. Рассмотрим эти параметры подробнее.

1. Коммуникативная цель. В соответствии с этим параметром речевой акт опровержения предстает как информативно-оценочный тип высказывания, целью которого является анализ информации, ее опровержение и оценка (отрицательная) действий, общественных явлений, чужих высказываний. Например:

(a) “(1)What much of the foreign policy elite *fail to grasp* is that the intervention to *topple secular dictators* has been *the prime source of chaos*. (2) *Chaos ensues* and radical jihads emerge. (3) Secular dictators <...> are replaced by radical jihadists, who seek terror not only at home but abroad. (4) *Intervention, when both choices are bad, is a mistake*. (5) *Intervention, when both sides are evil, is a mistake*” [4, с. 39-40].

Первое и второе предложения в форме прямой констатации содержат информацию о позиции администрации Обамы в отношении Сирии, правильность которой напрямую опровергается с помощью слов, содержащих отрицательную коннотацию (*fail to grasp, the prime source of chaos, choices are bad, a mistake*), отрицательная оценка усиливается в (4, 5) приемом нарастания, синтаксическим повтором и категоричностью синтаксического построения предложения (подлежащее + to be + оценочный предикатив).

2. Образ адресанта. Под этим параметром Т.В. Шмелева понимает некоторую информацию об авторе как об участнике коммуникации, которая «заложена» в типовой проект речевого жанра, обеспечивая его успешное осуществление [Шмелева, там же]. Согласно «анкете» адресант при опровержении выражает определенную точку зрения, находясь при этом на противоположных с адресатом-оппонентом позициях по одному вопросу. Но в случае диалога речь идет о реактивной реплике. В монологических же текстах адресант является автором текста, а диалогичность текста выражается в разнообразных формах взаимодействия смысловых позиций общающихся. В речевом акте опровержения автор вступает в противоречие не с читательской аудиторией, а с реальными или потенциальными оппонентами. Именно автор текста является инициатором общения (по Л.П. Семененко) или, как считает В.И. Карасик, осуществляет коммуникативный контроль [5, с. 79].

Совершая тот или иной речевой акт, адресант выбирает определенный речевой вариант высказывания, наполняя его языковыми средствами, выбор которых зависит от многих социолингвистических, прагматических, психологических факторов, а также от векторной направленности речевого акта опровержения (оппонент - автор текста - читатель).

Приведем пример:

[b] “(1) I asked Secretary Kerry: Where do you get the authority to wage this war? (2) He says : From 2001. <...> (3) We voted to go to war in Afghanistan, and I supported going into war, because we were attacked....(4) But the thing is, that vote *had nothing to do with this – absolutely nothing to do with this*. (5) You are *a dishonest person* if you say otherwise... (6) I said it yesterday: Mr. President, what you are doing is *illegal and unconstitutional* [6, с. 25-54].

Данное высказывание является реакцией адресанта (реактивная реплика) на позицию администрации Обамы по поводу вторжения в Сирию. В нем (3) чувствуется ответственность автора за сообщаемую информацию. Энергичные повторы, прямое обращение адресанта к адресату свидетельствуют о полном несогласии и сознательном дистанцировании адресанта от данной позиции, что усиливается автором с помощью категоричного отрицательного прогноза в (5, 6)). Два рядоположенных прилагательных, характеризующие адресата в (6), придают высказыванию категоричный отрицательный оттенок. Инклюзивное I и обращение *Mr. President* выводит нас на образ адресата в векторе «оппонент←автор текста».

3. Образ адресата. Образ адресата чрезвычайно важен для характеристики речевого жанра опровержения в аналитическом типе текста. Исходя из понятия ответственности монологического текста, адресант, осуществляя речевой акт опровержения, предвосхищает определенную реакцию адресата (читателя), возможное недопонимание, его фоновые знания. Для максимального перлокутивного эффекта авторскую оценку получает предполагаемая смысловая позиция адресата, делаются дополнения, попутные замечания к тому, что уже было сказано, уточняются свои и чужие позиции, в векторе «автор-читатель (адресат-2)» автор эксплицирует идентификацию своей позиции и позиции читателя (инклюзивное "we", "you") т.д. Например:

[c] “*Indeed, after the disastrous stories of prisoner abuse in Abu Graib, Guantanamo Bay and Afghanistan, you might imagine that a shrewd president would have sponsored such a law himself to set the record straight. But you would be wrong*” [7, с. 11-14].

В векторе «автор – оппонент (адресат-1)» негативная реакция автора обычно спровоцирована предварительной ссылкой на адресата-1, информированием о совершенном им действии или высказывании, о чем свидетельствуют приведенные нами примеры. В такой форме взаимодействия смысловых позиций общающихся в цепочке «оппонент←автор текста →читатель» адресованность и ответственность сливаются воедино. Зачастую автор текста в подтверждение своих тезисов прибегает к «третьим лицам», в качестве «третьего лица» выступают герои публикации.

Приведем пример:

[d] “Reid (Democratic Leader) *declared* that the Administration driven by the radical right *was on a dangerous drive for unchecked power* <...>. He *warned* American people that *what was indeed under way was an attempt to “throw out 217 years of Senate history in the quest for absolute power”* [8: 88].

Ссылаясь на заявление демократического лидера в Сенате, автор подкрепляет и свою позицию. Далее в речевом акте уточнения *what was indeed under way was an attempt* автор через метафорическое осмысление ситуации проясняет истинные намерения администрации президента.

4. Событийное содержание. Отрицательная оценочность диктумного события составляет основу речевого акта опровержения (о чем свидетельствуют приведенные выше примеры). Не менее важной оказывается также временная перспектива события, с точки зрения которой речевой акт опровержения предполагает обязательную перфектную и футуральную перспективу события. Опровержению подвергаются уже свершившиеся действия, имевшие место высказывания и т.д., при этом автор, идентифицирует свою позицию и выносит оценку, подкрепляя их прогнозами на будущее, что реализуется в соответствующих временных формах. В целом категория темпоральности представлена в жанре опровержения полным спектром грамматических времен, отражающих логическую связанность происходящего в действительности:

[e] “(1) Bush *has never used the word* ‘privatization,’ a Republican campaign official said, accusing Kerry of trying to ‘scare seniors.’ <...> (2) Immediately after the election, Bush *has proved that* Kerry’s charges *were true*; Bush *was lying*, and *wants to fully privatize* Social Security, with *disastrous consequences*. <...> (3) The Dec. 15 ‘economic summit’ *will be a turning point* in that *downward plunge*” [9: 48].

Отрицательная результативность действий Буша, направленных на приватизацию системы социального обеспечения реализуется при помощи Present Perfect в (1, 2) и усиливается за счет категоричной констатации факта в Past Simple (*were true*). Форма Past Continuous (*was lying*) подчеркивает отрицательную характеристику личных качеств, перманентно присущих Бушу. Present Simple (*wants to fully privatize*) констатирует этот факт в настоящем, что придает высказыванию статический характер. Отрицательный прогноз, завершающий высказывание (3), реализуется в Future Simple (*will be a turning point*) и носит промиссивный характер.

5. Образ коммуникативного прошлого и будущего. Т.В. Шмелева различает с этой точки зрения инициальные речевые жанры, начинающие общение, и такие, которые могут появляться только после определенных речевых жанров – ответ, отказ, согласие, опровержение и т.д.

В диалоге этот фактор учитывает характер реплики – инициальная или реактивная. Исходя из гипотезы «адресованности – ответственности» письменных монологических текстов, всякий текст, как уже подчеркивалось, есть реакция на прежде высказанное и стимул для последующего ответа. Совокупность этих факторов вытекает из интертекстуальности дискурса, которая проявляется в его связи с предшествующими и последующими произведениями.

Поэтому, опираясь на авторитетные мнения лингвистов, мы рассматриваем речевой акт опровержения как, реактивный, опирающийся на коммуникативное прошлое, так и инициальный, способный предвосхитить возможные реакции адресата. Во всех приведенных выше примерах четко прослеживается связь коммуникативного прошлого и будущего.

6. Языковое воплощение. Речевой акт опровержения имеет в речи определенное языковое воплощение.

Рассмотрим подробнее природу лексических единиц и синтаксических конструкций, определяющих специфику речевого акта опровержения в исследуемом типе дискурса.

Речевой акт опровержения прежде всего маркируется оценочными именами существительными с семантикой лжи / недостоверности, несостоятельности, необоснованности, несогласия, и способствующие осуществлению адресантом иллокутивной функции опровержения. Приведем примеры наиболее типичных опорных лексем.

Оценочные номинативные единицы: *accusation, allegation, betrayal, claim, denial, dream, bubble, bravado, a cover-up, doubt, dishonesty, disinformation, faith, farce, fraud, fault, flip-side, gimmickry (coll), implication, lie, lying, a liar, revelation, rumour, hoaxes, trick, trickery, illegality, vagueness, illusion, likelihood, mumbo-jumbo, stunt, nonsense, tale, masterstroke, propaganda campaign, defamation campaign, skepticism, suspicion, sophism, sophistry, slander, sell (coll.), high-falutin talk (coll.).*

атрибутивные словосочетания (ADJ+N):

big talk, proudest boast, conventional tale, blatant lie, blatant dishonesty, gigantic lie, economic uncertainty, economic nonsense, public relations stunt, a political masterstroke, easy sell, less clear-cut accusations, approximate information, deep disagreement, pure unmitigated lie, unmitigated public posturing, confidence trick, widespread political dissatisfaction, misleading claim, fraudulent claims, incumbent occupant of the White House.

Следующий пример весьма показателен в этом отношении:

[f] “The Greek people entrusted this government with the great cause of releasing them from the shackles of the Memorandum, from the vise of surveillance and supervision imposed on society under the pretext of debt. This debt furthermore is *illegal, unfair, odious, and unsustainable*” [10:42].

[h] “The propaganda emanating from the Obama White House concerning the war in Syria can only be described as a Bertrand Russell “*snow is black*” moment. *Lies built upon lies*” [11, с. 13].

Как показывают примеры, синтаксические структуры, содержащиеся в речевом акте опровержения, могут быть представлены как простыми предложениями, так и сложными (сложноподчиненными и сложносочиненными с подчинением). В составе простых предложений выделяются такие наиболее типичные синтаксические конструкции, как: предикативные конструкции, конструкции с вводным ‘it’, конструкции с эксплицитно и имплицитно выраженным лексико-грамматическим отрицанием.

Итак, учет рассмотренных параметров модели речевого жанра позволяет дать комплексное описание речевого акта опровержения в единстве его лексико-грамматической структуры и прагматической направленности, составляющих основу речевого жанра опровержения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. К философским основам гуманитарных наук. СПб. 2000.
3. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
4. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра. Саратов, 1997.
5. Executive Intelligence Review. September, 2014.
6. Executive Intelligence Review. September, 2014.
7. The Economist. December, 2005.
8. Executive Intelligence Review. April, 2005.
9. Executive Intelligence Review. December, 2005.
10. Executive Intelligence Review. July, 2015.
11. Executive Intelligence Review. November, July, 2015.

REFERENCES

1. *Bakhtin M.M.* The esthetics of speech art. M., 1979.
2. *Bakhtin M.M.* The problem of speech genres. To the philosophical foundations of the Humanities. SPb. 2000.
3. *Karasik V.I.* Language circle: personality, concepts, discourse. M., 2004.
4. *Shmelyova T.V.* Speech genre pattern. Saratov, 1997.
5. Executive Intelligence Review. September, 2014.
6. Executive Intelligence Review. September, 2014.
7. The Economist. December, 2005.
8. Executive Intelligence Review. April, 2005.
9. Executive Intelligence Review. December, 2005.
10. Executive Intelligence Review. July, 2015.
11. Executive Intelligence Review. November, July, 2015.

29 марта 2016 г.